

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

БЫТ

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615405
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... И действительно традиционно. Все традиционно... Буфетчик у буфета, наливая мне рюмку лимонной водки, сообщает, что «были Николай Николаевич и о вас справлялись», не спрашивая, поливает шофера из утки соусом кумберленд и, не спрашиваясь, выдавливает на икру пол-лимона.

А сбоку подходит француз-метрдетель и говорит, мило грассируя:

– Вот, Аркадий Тимофеевич, говорят: заграница, заграница! А вы посмотрите, какие мы получили мандарины из Сухума – в десять раз лучше заграничных! Я вам пришло отведать. ...»

Аркадий Аверченко

Быт

Однажды, вскоре после того как я приехал в Петербург искать счастья (то было четыре года тому назад), мне вздумалось зайти закусить в один из самых больших и фешенебельных ресторанов.

Об этом ресторане до сих пор я знал только понаслышке. И вошел я в его монументальный огромный зал с некоторым трепетом.

И когда сел за столик, сразу на меня пахнуло суровостью и враждебностью незнакомого места. Было как-то холодно, страшно и неуютно... Официанты казались слишком необщительными, замкнутыми, метрдотель слишком величественным, а публика слишком враждебной и неприветливой.

«Господи! – подумал я. – Как мало в человеческих отношениях простоты, сердечности и уюта. Ведь они все такие же люди, как я; почему же они все так накрахмалены?! Так холодны? Чужды? Страшны?»

– Что прикажете? – сухо спросил метрдотель.

– Мне бы позавтракать.

– Простите, завтраков нет. Только до трех часов. А сейчас четверть четвертого.

– А вот те едят же, – смущенно кивнул я головой.

– Те заказали раньше, – ледяным тоном ответил метрдотель.

– Значит, что же выходит: что у вас мне не дадут есть?

– Почему же-с. Можно порционно. Но долго придется ждать: пока закажут, пока сделают.

– Тогда... ничего мне не надо, – сказал я, густо покраснев от сознания своего глупого положения. – Если у вас такие нелепые порядки – я уйду.

Я встал и, понутив голову, обескураженный, ушел, давая себе слово никогда больше в этот суровый ресторан не заглядывать.

* * *

Как это случилось – не знаю, но теперь это мой излюбленный ресторан.

Я в нем каждый день завтракаю, почти каждый день обедаю и часто ужинаю.

Швейцар на подъезде высаживает меня с извозчика и говорит:

– Здравствуйте, Аркадий Тимофеевич!

Снимая с меня пальто, другой швейцар замечает:

– Снежком-то вас как, Аркадий Тимофеевич, занесло...

Погодка – прямо беда! А вас тут спрашивали Анатолий Яковлевич.

– Он ушел?

– Ушли-с. А Николай Николаевич здесь. Они с господином Чимарозовым сидят.

Я вхожу в зал.

Полный, вальяжный официант дает мне лучший столик, подсовывает карточку с тайной ласковостью, радуясь, что может вернуть такое словцо, говорит:

– Бульонерши, конечно? Традиционно?

– Традиционно, – улыбаюсь я.

И действительно традиционно. Все традиционно... Буфетчик у буфета, наливая мне рюмку лимонной водки, сообщает, что «были Николай Николаевич и о вас справлялись», не спрашивая, поливает шофруа из утки соусом кумберленд и, не спрашиваясь, выдавливает на икру пол-лимона.

А сбоку подходит француз-метрдетель и говорит, мило грассируя:

– Вот, Аркадий Тимофеевич, говорят: заграница, заграница! А вы посмотрите, какие мы получили мандарины из Сухума – в десять раз лучше заграничных! Я вам пришлю отведать.

И все, что окружает меня в этом ресторане, дышит таким уютом, таким теплом и прочной лаской, что чувствуешь себя как дома, как в своей собственной маленькой столовой.

Когда меня впервые оштрафовали за какую-то заметку, я пережил несколько очень тягостных, неприятных часов.

Так было странно и неудобно, когда утром пришел около-

точный и, несмотря на то что я еще спал, потребовал, чтобы его провели ко мне.

– Да барин еще спит.

– Ну, все равно я подожду: посижу здесь, в приемной.

– Да он, может быть, еще часа два будет спать...

– Ну, что же делать. А я его *должен* подождать. Дело срочное.

А когда я, наскоро одевшись, вышел к нему, меня поразил его неприветливый, гранитный вид.

– Что такое?

– Здравствуйте. Тут вот с вас нужно штраф взыскать... По распоряжению администрации.

– Да что вы говорите! Какой штраф? За что?!

– А вот тут сказано: за статью «Триумф октябристов».

– Позвольте! Да статья совсем безобидная!

– Не знаю-с. Меня не касается. Мне приказано взыскать деньги нынче же.

– Ну... а если я не уплачу?

– Тогда я обязан доставить вас в участок на предмет ареста.

Боже ты мой, как сухо, как официально.

Ни одной сердечной нотки... ни одного знака сочувствия.

Стоишь перед холодной гранитной стеной, которая не сдвинется, не пошевелится, хотя бы облить ее целыми ручьями слез человеческих.

– А завтра уплатить можно?

– Не могу-с. Циркуляр. Мы отсрочить не имеем права.

И вспомнился мне тот величественный метрдотель, который категорически отказал в завтраке только потому, что было на пятнадцать минут больше трех.

Суровый, безжизненный, холодный гранит! Угрюмый, замкнутый в своем величии мавзолей!

* * *

Как это случилось, не знаю, но теперь я в полиции свой человек.

Околоточный входит ко мне утром в спальню (он милый человек, и я его не стесняюсь), потирает руки и делает несколько веских замечаний о погоде:

– Собачья погода. Снегом совсем запорошило. Теперь в наряде стоять – одна мука. Здравствуйте, Аркадий Тимофеевич!

– А! Мое почтение, Семен Иванович. Ну, что?

Он улыбается.

– Традиционно!

Говорит он это вкусно-звучащее слово совсем так, будто бы за ним должен последовать «бульон-ерши».

Я уже не испытываю тягостного, неприятного чувства живого человека перед мертвой гранитной скалой. У нас тепло, дружба, уют.

– За что это они, Семен Иванович?

– А вот я номерок захватил. Поглядите. Вот, видите?

– Господи, да за что же тут?

– За что! Уж они найдут, за что. Да вы бы, Аркадий Тимофеевич, послабже писали, что ли. Зачем так налегать... Знаете уж, что такая вещь бывает, – пустили бы пожиже. Плетью обуха не перешибешь.

– Ах, Семен Иванович, какой вы чудак! «Полегче, полегче!» И так уж розовой водицей пишу. Так нет же, и это для них нецензурно.

– Да уж... тяжеленька ваша должность. Такой вы хороший человек, и так мне неприятно к вам с такими вещами приходиться... Ей-богу, Аркадий Тимофеевич.

– Ну, что делать... Стаканчик чаю, а?

– Нет, уж я папироску выкурю и побегу. Дома-то у меня такая неприятность, жена кипятком руку обварила.

– А вы тертый картофель приложите: чудесно действует. Или чернилами обваренное место помажьте.

– Делали уж; и чернилами и картофельную муку прикладывали.

– Ну, даст Бог, пройдет. А Афансий Петрович по-прежнему чертит?

– Да уж... горбатого могила исправит. Ну, я пойду. С деньгами как – традиционно? До завтра?

– Да, конечно. Я к Илье Константиновичу часа в три загляну. Всего хорошего.

В три часа я у Ильи Константиновича.

– А, господин анархист, – весело встречает он меня. – Традиционно? Садитесь! Я знаю, вы моих не курите, так я вам эти предложу, был Петр Матвеевич и забыл их у меня на столе. Курите контрабанду. Хе-хе.

– У Петра Матвеевича папироски хорошие, – соглашаюсь я, закуривая. – Марфу Илларионовну давно видели?

– Позавчера. В театре были. Потом поехали компанией ужинать и очень жалели, что вас не было.

– Да, да, очень жаль. Кстати, там у вас есть насчет меня предписание... четыреста рублей, так я...

– Знаю! Завтра, конечно, Аркадий Тимофеевич. А я те книжки, что вы мне дали, уже прочел. Следующий раз с Семеном Ивановичем их передам.

О «следующем разе» мы оба говорим так же хладнокровно, как о завтрашнем дне, который все равно, неизбежно наступит...

Однажды я, по обыкновению, разогнался в свой излюбленный ресторан, и вдруг швейцар остановил меня на пороге:

– Сегодня, Аркадий Тимофеевич, закрыто: по случаю начала ремонта.

Я заглянул в залу, и сердце мое сжалось: не было привычных столов, покрытых белоснежными скатертями, мягкого красного ковра и зелени трельяжей.

– Э, черт! Какого же дьявола вы не объявили раньше!

Однажды утром ко мне явился околоточный Семен Ива-

нович.

Он обругал погоду и сообщил о нескольких новых штрихах в облике неуравновешенного Афанасия Петровича.

– Садитесь, – сказал я. – За какую статью? Сколько?

– Нисколько. Я зашел, чтобы вы подписали протокол по делу о столкновении моторов. Вы свидетелем были.

Чем-то чужим, неуютным пахнуло на меня... Будто бы взору моему вместо привычного вида трех рядов столов, покрытых скатертями и украшенных цветами, предстала суровая, чуждая картина голых стен и обнаженного от мягкого ковра пола.

И разговор на этот раз не вязался. Мы были выбиты из привычной колеи...

Когда нет быта, с его знакомым уютом, с его традициями – скучно жить, холодно жить...